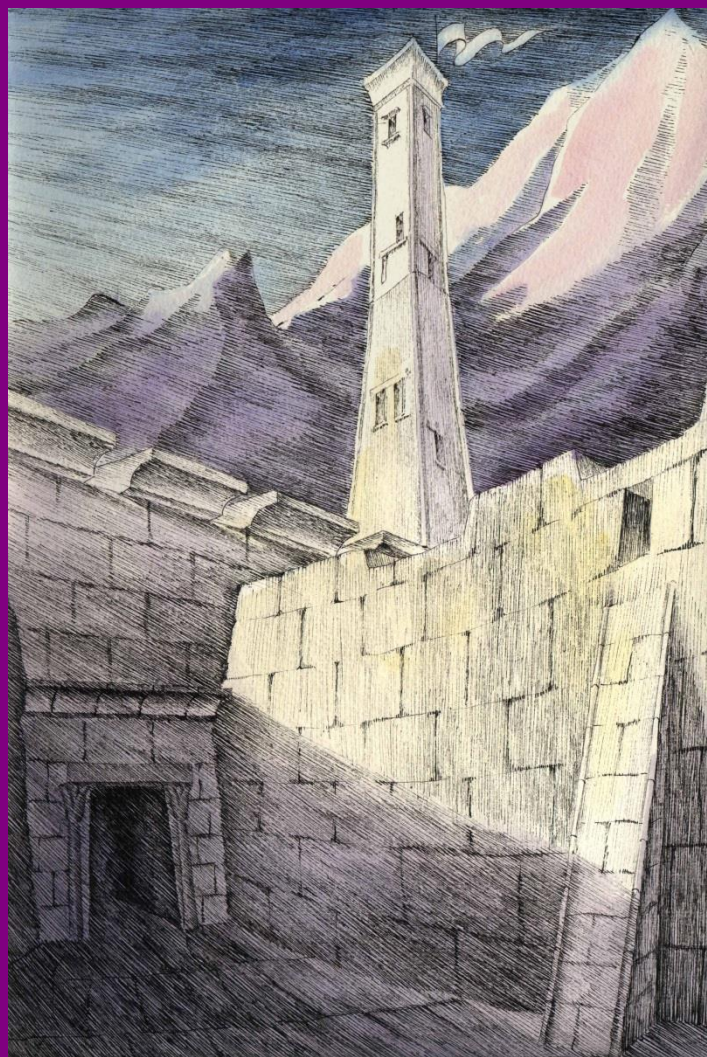

Д.Р.Р. Толкин
Властелин колец

*Часть третья
Возвращение Короля*

*Иллюстрации и перевод
Е.Я. Прудниковой*

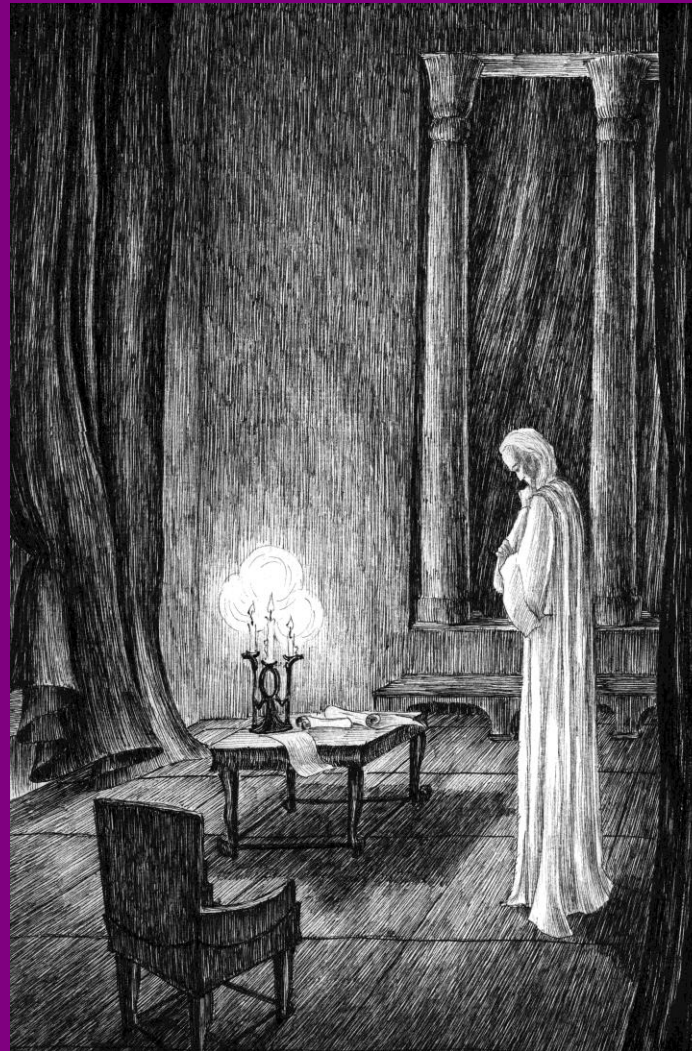
Вход в Цитадель был обращен к востоку, но вырублен в сердце скалы, и там длинный освещенный лампами коридор вел к седьмым воротам. Так люди наконец оказывались в Высоком Дворе, на Площади Фонтана у подножия Белой Башни, высокой и стройной, в пятьдесят фатомов от основания до вершины, где стяг Стюардов струился на ветру на высоте в тысячу футов над равниной.

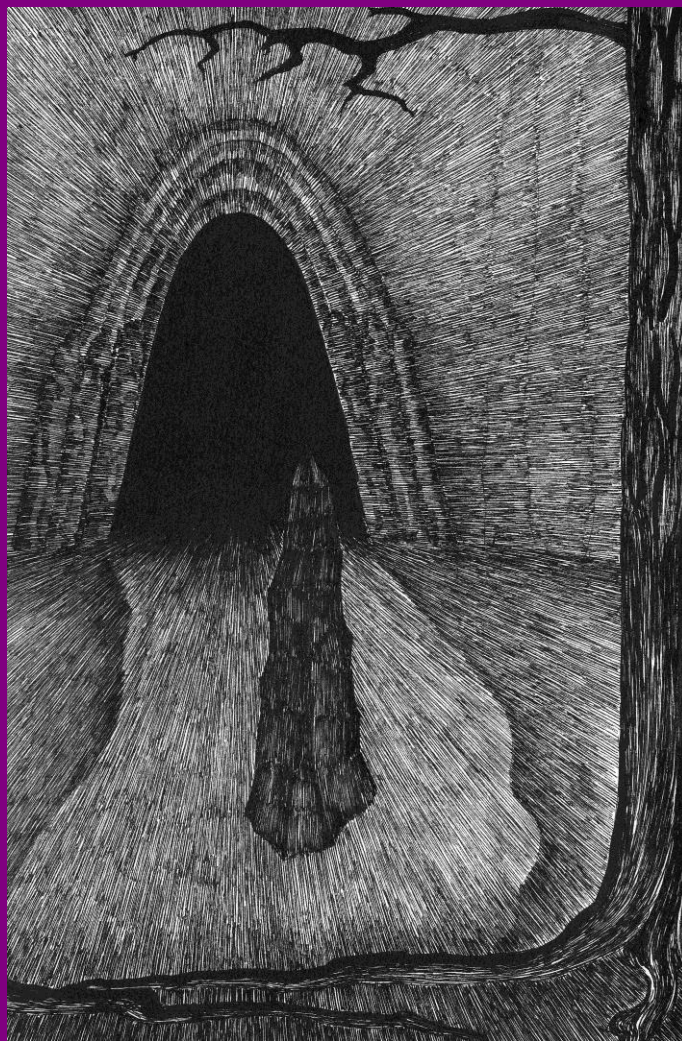
*В дальнем конце зала на многоступенном возвышении стоял высокий трон под мраморным балдахином в виде коронованного шлема, на стене за троном было изваяно и украшено самоцветами древо в цвету.
Но трон был пуст.*

Ночью Пиппина разбудил свет; он раздвинул занавес алькова и увидел, что Гандальф возвратился и беспокойно ходит по комнате. На столе горели свечи и лежали свитки. Он услышал, как маг вздохнул и пробормотал: «Когда же возвратится Фарамир?»»

Ужас охватил всех, когда они прошли меж рядов древних камней и попали в Димхольт. И там под мраком черных деревьев, который было трудно вынести даже Леголасу, нашли они лощину у подножья скал, и прямо на их пути стоял там одинокий камень, словно перст судьбы.

Арагорн спешился и, стоя у Камня, громко возгласил: «Нарушители клятвы, почто вы явились?» И в ночи послышался голос, ответивший ему как бы издалека: «Соблюсти клятву и обрести покой.»

Но темные кружащиеся тени уже заметили приближение Белого Всадника. Одна закружилась прямо над ним, но Пиппину показалось, что он поднял руку и от нее кинжальный луч слепящего света ударил вверх. Назгул издал долгий жалобный вой и шарахнулся в сторону; дрогнули и четверо других.

Пиппин пробился вперед, когда они проходили под аркой ворот, и когда он увидел бледное лицо Фарамира, у него перехватило дыхание. Это было лицо того, кто испытал великий страх или страдание, но преодолел их и теперь спокоен.

Наконец, когда Фарамир заговорил о своем расставании с путешественниками и об их решимости идти через Кирис Унгол, голос у него упал, он покачал головой и вздохнул. Тогда Гандальф вскочил.

И вот въехал Повелитель Назгулов под свод арочного проема, куда еще никогда не вступал враг, и все бежало перед ним.

Все – кроме одного. Там, перед самыми Вратами, спокойный и молчаливый, ждал его Гандальф на Шедофаксе, который один из всех вольных скакунов земли противостоял ужасу и был недвижим, словно каменное изваяние на Рат Динен.

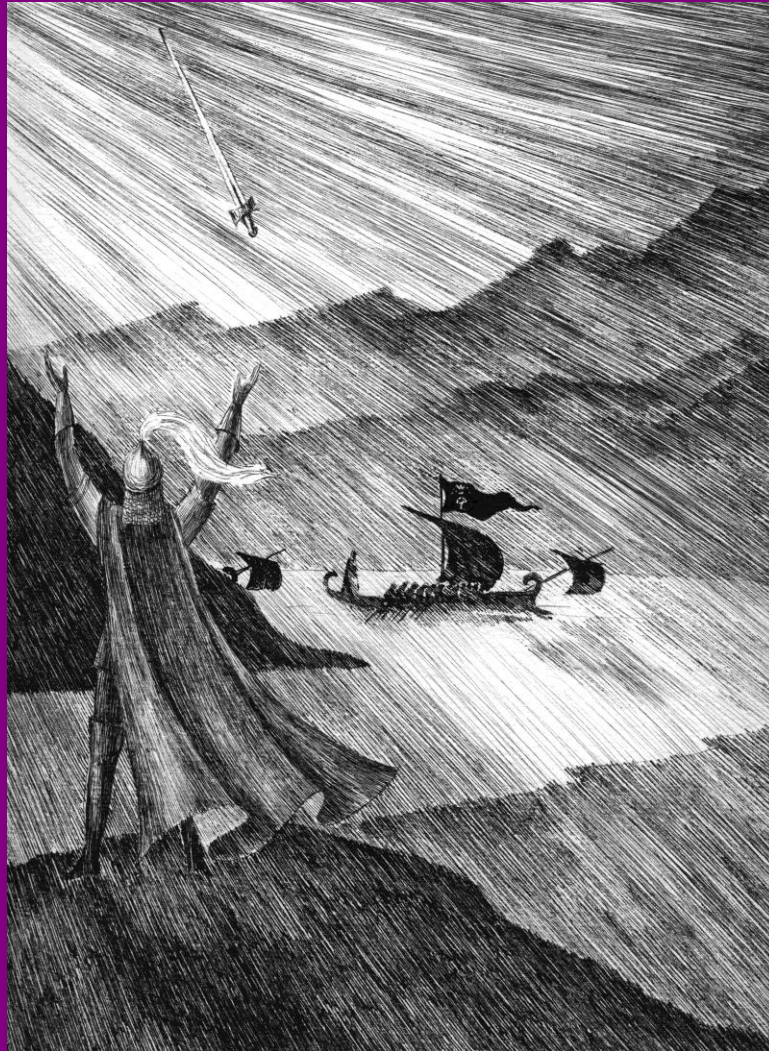
Одержимым казался король, или впрямь боевой задор его предков вспыхнул и воспламенил его кровь, и несся он на Снежногривом, как древнее божество, как сам Оромё Великий в битве Валаров, когда мир был еще юн. Его золотой щит был раскрыт, и - гляньте! – сиял он, как солнечный лик, и трава полыхала зеленым пламенем под белыми ногами его скакуна.

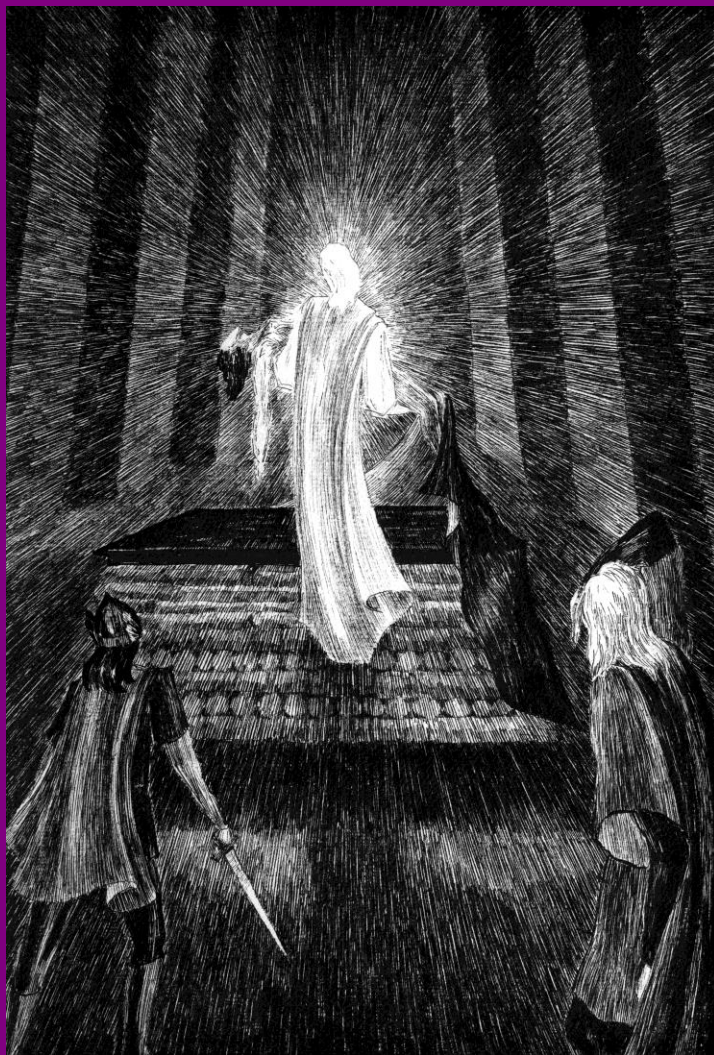
Изумление победило страх, и Мерри открыл глаза. Неподдалеку от него сидела жуткая тварь, окруженная темнотой, а над нею, словно тень отчаяния, высился Повелитель Назгулов. А левее, лицом к нему, стояла та, кого Мерри называл Дернхелм. Но теперь шлем тайны упал с ее головы, и освободившиеся волосы бледным золотом сияли, рассыпавшись по плечам.

И тогда изумление охватило его и великая радость, и он подбросил свой меч в воздух и запел, поймав его, блеснувшего в солнечном луче. Все глаза последовали за его взором и тут все узрели напереди идущем корабле штандарт, и ветер развернул его, когда корабль повернул к Харлонду.

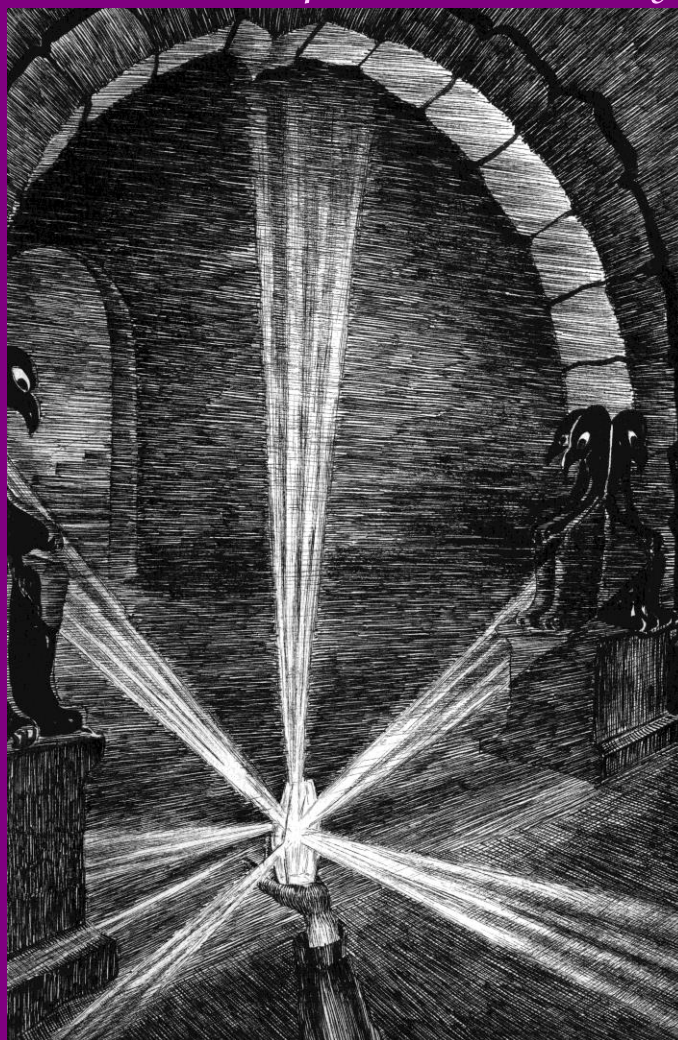
Тогда Гандальф явил силу, что была в нем сокрыта, как тот свет его могущества, что был сокрыт под его серой мантией. Он вскочил на грудь поленьев, легко поднял Фарамира и, соскочив, понес его к двери.

Малое время было отпущено Арагорну, чтобы подготовиться к битве. На одном холме стоял он с Гандальфом, и здесь, прекрасный и обреченный, был поднят стяг Древа и Звезд. На другом холме поблизости развевались знамена Рохана и Дол Амрота, Белый Скакун и Серебряный Лебедь.

И вот, осмелившись ответить на внезапно осенившую его мысль, потому что ничего другого он не мог придумать, Сэм медленно вынул фиал Галадриэль и поднял его вверх. Его белый свет быстро разгорелся, и тени под аркой отступили. Чудовищные Стражи сидели холодные и недвижимые, явленные теперь во всем их жутком облике.

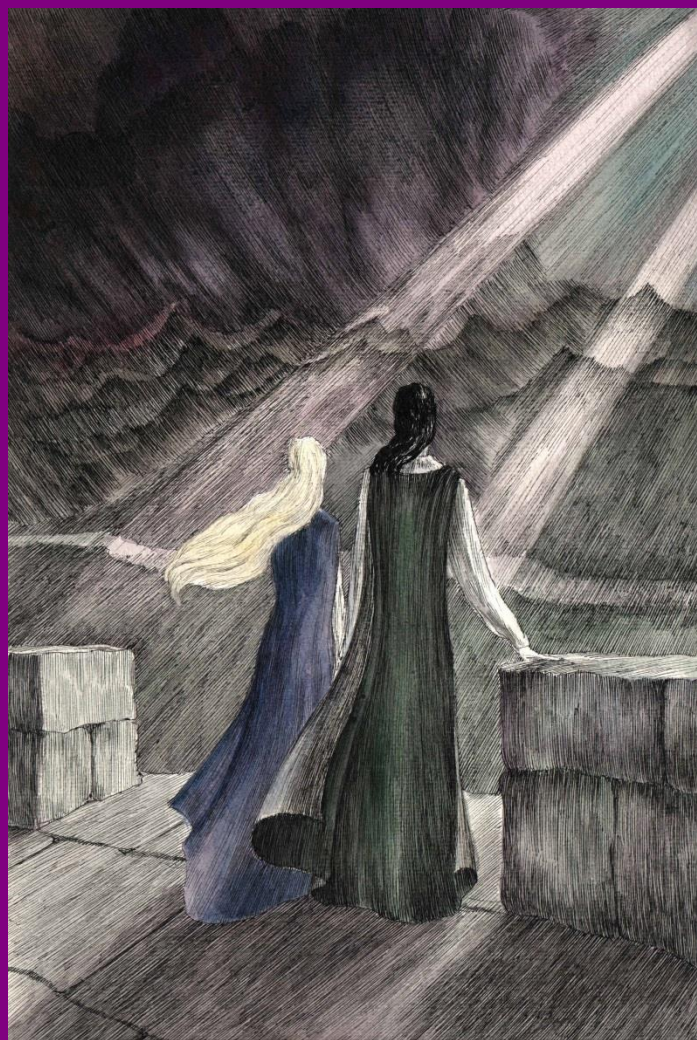
И внезапно, как некогда у отрогов Эмин Мюил, Сэм увидел двух соперников каким-то иным видением. Скорчившаяся тварь, едва ли более, нежели тень живого существа, создание погибшее и побежденное; а перед ним стоял некто суровый, уже не подвластный жалости, облеченный в белое и сокрывший на груди огненную спираль.

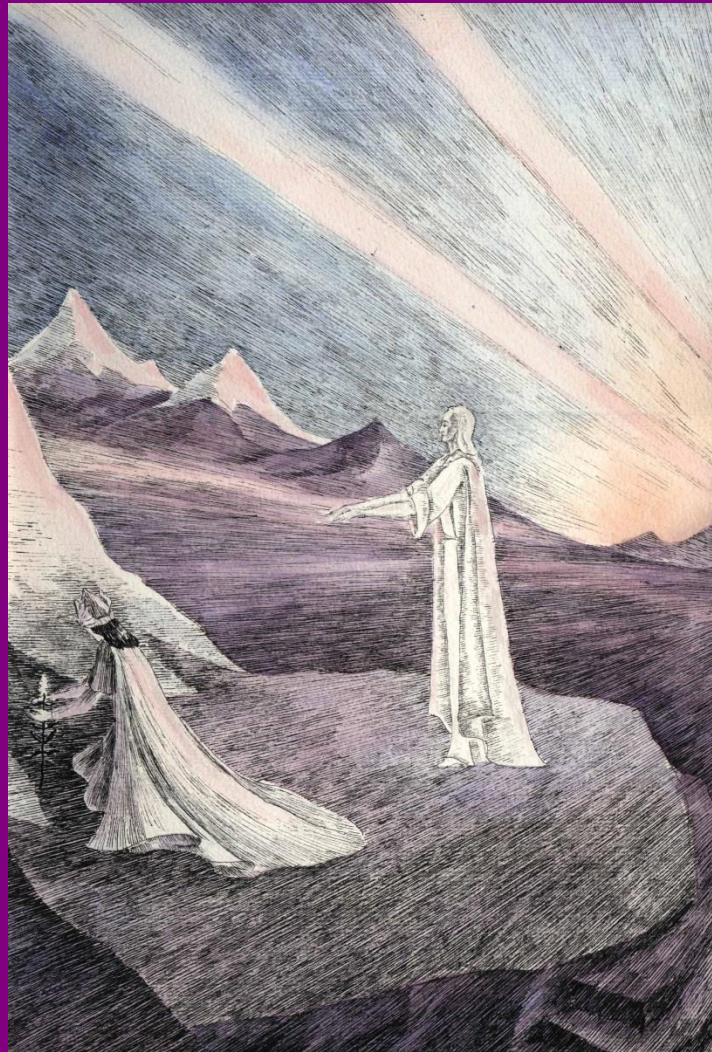
Лорд Фарамир бродил один в саду Домов Исцеления, солнце пригревало, и он чувствовал, как жизнь заново струится в его жилах, но лежала тяжесть у него на сердце, и он смотрел через стены на восток. И подойдя, Смотритель окликнул его по имени, он обернулся и увидел Иовин, Леди Рохана, и проникся состраданием, ибо увидел, что она пострадала, а ясному его взору открылись ее печаль и непокой.

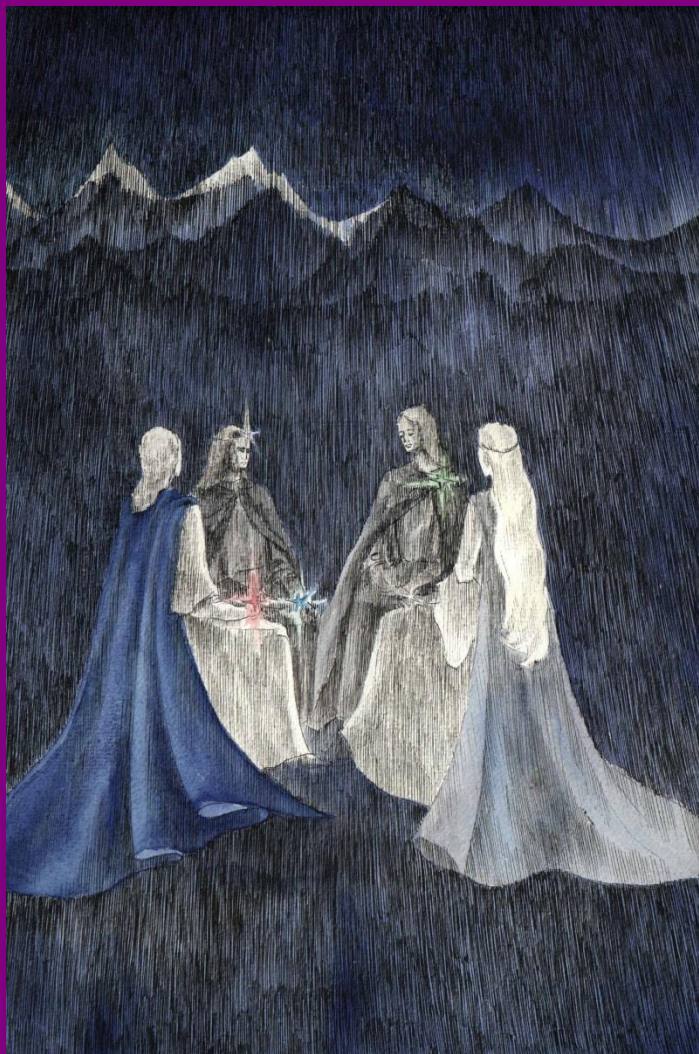
*Наконец им показалось, что над гребнем дальних гор поднимается другая темная гора, словно волна, готовая поглотить весь мир, и вокруг нее сверкают молнии; дрожь пронизала землю, и они ощутили, как содрогнулись стены Города.
«Это напоминает мне Нуменор» - сказал Фарамир и удивился, услышав свой голос.*

«Отврати лицо от зеленого мира и взгляни туда, где все бесплодно и холодно» - сказал Гандальф. Тогда обернулся Арагорн, и перед ним оказался каменистый склон, спускающийся от края снежного покрова, и заметил он, что среди этой пустоши, одинокое, стоит некое растение.

И часто, когда хоббиты засыпали глубоким сном, они сидели вместе под звездами, вспоминая эры, что уже миновали, и свои радости и труды в мире, или держали совет о днях, что еще должны наступить.

Тогда Кирдан повел их в Гавани, и там стоял белый корабль, а на набережной, ожидая их, стоял некто в белом. И когда он обернулся и пошел им навстречу, Фродо увидел, что это Гандальф; на руке у него было Третье Кольцо, Нария Великое, и камень в нем был красный, как огонь.

